

MARC LEVY

UNE AUTRE IDÉE
DU BONHEUR

МАРК ЛЕВИ
Другое счастье

РОМАН

Издательство "Иностранка"

Москва

УДК 821.133.1-3Леви
ББК 84(4Фра)-44
Л36

Marc Levy
UNE AUTRE IDÉE DU BONHEUR

Перевод с французского Аркадия Кабалкина

Леви М.

Л36 Другое счастье: Роман / Марк Леви; Пер. с фр. А. Кабалкина. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2022. — 368 с.

ISBN 978-5-389-10363-4

Агата бежит из тюрьмы и пускается в опасную гонку за свободой и счастьем. Ее невольной спутницей становится Милли, и в один миг размеренная, упорядоченная жизнь девушки летит под откос. Долгий и опасный путь через всю Америку приводит их к разгадке давней тайны, разрушившей жизнь Агаты. А Милли узнает, что встреча со странной незнакомкой не была случайностью...

УДК 821.133.1-3Леви
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-10363-4

www.marclevy.info
© Editions Robert Laffont / Susanna Lea Associates, 2014
© Фото автора на обложке, Denis Lécuyer & Marc Hansel
© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2014
© ООО «Издательская «Группа Азбука-Аттикус», 2022
Издательство Иностранка®

Он держал в руках ее дневник, жадно вчитываясь в слова, начертанные на бумаге, пытаясь узнать себя в том или ином персонаже, уловить отголоски их разговоров в кафе в Гринвич-Виллидж, вспомнить какой-то эпизод, украв его у времени. Переворачивая страницы, он слышал биение ее сердца, задыхаясь от любви, память о которой замело, как следы на снегу.

Опускался вечер, а он все читал, сидя за столом в своей единственной комнате, забыв об ужине, забыв о том, что приближается ночь. Ничего лишнего у него не было, зато имелось все необходимое для жизни. Когда сквозь жалюзи стал просачиваться рассвет, он закрыл рукопись и, положив руки на колени, глубоко вдохнул, чтобы сдержать слезы.

Она рассказывала о своей жизни, ни разу не назвав его имени, не намекая на ту роль, которую он сыграл, на выбор, сделанный им ради нее. Он

гадал, безразличие это или горечь, пережившая время.

Он подошел к раковине, посмотрел на себя в потрескавшееся зеркало, косо висевшее на гвозде, и не узнал в нем человека, которого искал на страницах дневника. Возможно, потому Ханна и стерла его из своего прошлого. Странная вещь воспоминания, сказал он себе, умывая лицо ледяной водой. Некоторые питаются ими, как будто от них зависит жизнь, как будто они спасают их от смерти; а другие избавляются от них, чтобы оставшееся им время было светлее.

Он приготовил себе завтрак: кофе, яичница с кусочком сала в чугунном ковшике на плитке. Ей следовало бы хотя бы намекнуть, дать хоть подобие ответа на вопрос, возникший после ее смерти, подсказать, где искать. А если нет, то лучше бы сожгла эти странички или унесла их с собой!

Он опустил тарелку в раковину и снова уселся за стол.

— Господи, Ханна, нельзя же до такой степени отвергать истину! — пробормотал он и стал яростно тереть щеки, чтобы не заснуть.

Потом, глянув на часы на стене, поднялся и открыл шкаф: пора было собирать вещи. Он взял три рубашки, нижнее белье, шерстяную куртку и пуловер. Положил в карман пальто конверт со всеми своими сбережениями, снял с вешалки шляпу и плащ, убедился, что револьвер поставлен на предохранитель, и спрятал его на дно сумки.

Потом опустился на колени, загасил угли в плите, проверил шпингалеты на окнах, погасил свет и открыл входную дверь.

Утреннее солнце стояло низко — еще только кончалась зима. Дорога вилась в направлении шоссе. Ему предстояло дойти по ней до перекрестка, а оттуда преодолеть еще шесть миль до холма с распятием, где была автобусная остановка. Надо было торопиться, сильный встречный ветер замедлял шаг. Но он был признателен ветру: так его не учуют волки. Хотя было бы даже неплохо, если бы звери увязались за ним: он бы с наслаждением разрядил в них всю обойму. Сразу за этой мыслью последовали угрызения совести: нашел на ком сорвать злость! С волками у него был заключен пакт о ненападении. Когда он отправлялся на охоту, они следовали за ним на почтительном расстоянии. Если ему выпадало подстрелить добычу, они ждали, пока он ее разделает, а потом лакомились мясом, которое он им оставлял на костях. Когда он заготавливал дрова, она наблюдали за ним с холма, пока он не давал им понять кивком головы, что возвращается домой и что его оружие заряжено. Волки как будто уяснили правила, ни один ни разу не приблизился к Томасу Брэдли, так что ему не пришлось по ним стрелять.

До остановки он добрался уже к полудню. Его домик давно скрылся за горизонтом. Вокруг, насколько хватало глаз, простиралась плоская равнина.

Вот и автобус. Было еще слишком далеко, чтобы можно было расслышать мотор, но столб пыли из-под колес служил верным признаком его приближения. Эта вылазка могла стать самой серьезной ошибкой Тома за последние тридцать лет. Как не думать об этом, рискуя столкнуть воспоминания, сопровождавшие его жизнь, с реальностью, грозившей поставить на ней крест?

Том поднял руку, давая водителю сигнал остановиться. Когда двери автобуса открылись, он улыбнулся. Это была насмешка над самим собой, запоздалое признание того, что все эти годы он скрывал под маской бесстрашия свою уязвимость перед женщиной.

— Зато какая женщина! — сказал он водителю, отсчитывавшему ему сдачу.

Двадцать долларов за первый этап прекраснейшего из путешествий, о котором он столько мечтал. Он дойдет до самого конца, единственное, что могло бы ему помешать, — это смерть в пути. Но пока он сможет дышать, он будет ее искать.

Том Брэдли давно предвкушал этот момент. Если бы он был честен с собой, то признал бы, что всячески его приближал. И когда накануне молоденький полицейский — сколько он обучил таких за свою профессиональную карьеру! — постучался в его дверь и вручил конверт с рукописью и записку от его друга судьи Клейтона, он вынужден был напомнить себе, что эта жизнь, от

которой он постепенно отдалялся, еще не свела с ним счеты.

Занимая место в хвосте автобуса, Том Брэдли прищурил глаза и не удержался от смеха. Это был не конец, наоборот, начало большого приключения.

Встретив Милли, можно было бы подумать, что она живет в стиле «рок-н-ролл». Это первое впечатление возникало из-за ее сходства с молодой Патти Смит¹, но оно было обманчиво. В жизни Милли не имела ничего общего с рок-н-роллом. Оставаясь одна — а это случалось часто, — она без конца слушала классическую музыку, потому что с ее одиночеством могли сладить только Бах, Григ и Гленн Гульд.

Милли Гринберг уехала из Санта-Фе, получив стипендию в Университете Филадельфии. Две тысячи двести миль и шесть штатов отделяли ее родной город от того места, где она жила теперь, — расстояние между ее юношеской и взрослой жиз-

¹ Смит Патти (р. 1946) — американская певица и поэтесса, «крестная мать» панк-рока. (*Прим. перев.*)

нью. И все же лекции по праву в Пенсильвании были для Милли так же скучны, как ее детство в Нью-Мексико. Продолжить учебу ее заставили три причины: жизнь, которую можно было вести в кампусе, появившийся у нее настоящий друг и то, что ее, несмотря на нелегкий характер, ценили преподаватели. Милли держалась в стороне от стоек девиц, которые с утра до вечера только и делали, что кокетничали, постоянно подкрашивались в перерывах между занятиями и следили по новостям только за жизнью модных идиолов, интересуясь их похождениями и неприятностями больше, чем судьбами мира. Она не встречалась с парнями, растрачивавшими на спорт-площадках избыток тестостерона и слишком накачанными: они щеголяли в шлемах, и щеки у них вечно были разрисованы цветами университетской команды по американскому футболу. Милли была незаметной и усердной студенткой: учитывая тот факт, что юриспруденция навевала на нее смертную тоску, это говорило о ее решимости чего-то добиться в жизни. Чего именно, она понятия не имела, просто знала, что ее ждет необычная судьба, которая рано или поздно раскроет ей свою загадку.

После второго курса университет отказался продлить ей стипендию, предложив взамен сделку, которую миссис Берлингтон назвала «взаимными услугами»: Милли должна была подрабатывать помощницей-стажеркой в юридическом отделе (состоявшем из одной миссис Берлингтон),

получая за свои труды пять долларов в час, медицинскую страховку и служебную жилплощадь. Милли согласилась не раздумывая: не потому, что ее заинтересовала работа, тем более не из-за зарплаты, а из-за возможности не расставаться с кампусом. Слишком она к нему привыкла.

Каждый день Милли завтракала в «Таттлмен Кафе», в 8.53 пересекала большую лужайку, в 8.55 проходила мимо библиотеки Гутмана и входила в административный корпус, где в 8.57 начинался ее рабочий день. В 11.50 она заказывала по Интернету сэндвич с пастромой для миссис Берлингтон. В 12.10 пересекала лужайку в противоположном направлении, забирала в кафе «Камбар Кампус Сентр» сэндвич миссис Берлингтон и весенний салат для себя — это позволяло еще раз пройти перед библиотекой. Перекусив вместе со своей начальницей, она в 12.30 возвращалась на рабочее место. В 15.55 убирала в ящик письменного стола свой блокнот, куда записывала распоряжения миссис Берлингтон, сверху укладывала фотографию в серебристой рамке своей улыбающейся бабушки, запирала ящик на ключ и в 16.00 уходила.

Последняя за день прогулка через кампус, в этот раз в сторону стоянки, а там Милли забирала единственное свидетельство того, что она не совсем обычная скучная служащая, — «олдсмоби́ль» 1950 года с откидным верхом. Раньше машина принадлежала ее бабушке, но за несколько лет

до своего отъезда из Санта-Фе Милли получила ее в подарок. Теперь за эту машину, с которой она сдувала пылинки, словно настоящий коллекционер, ей дали бы не меньше восьмидесяти тысяч долларов. Кабриолет, сошедший с конвейера за тридцать лет до ее появления на свет, служил для нее страховкой на тот случай, если произойдет нечто непредвиденное и очень серьезное, возможно даже угрожающее жизни. Жизни, которая ее, только что отпраздновавшую тридцать первый день рождения, вполне устраивала.

В 16.06 Милли садилась за руль, включала радиоприемник, распускала волосы, поворачивала ключ зажигания и радостно прислушивалась к восьмицилиндровому двигателю, добавлявшему басов к фуге Баха, симфонии Мендельсона или еще какому-нибудь классическому музыкальному произведению.

С этого момента в Милли появлялось что-то от звезды рок-н-ролла. С развевающимися на ветру волосами — в любую погоду, лишь бы не было дождя — она ехала на станцию обслуживания «7-Eleven», где выпивала кока-колу за два доллара семьдесят центов, а жажду автомобиля утоляла двумя галлонами бензина, выкладывая за них семь долларов тридцать центов. Каждый вечер, наблюдая за мельканием цифр на шкале колонки, она вычисляла, сколько минут потратила на печатание надиктованной миссис Берлингтон ерунды. Здесь она тратила за пять минут десять долларов, там набирала за утро тридцать тысяч знаков.

Остальной ее заработок уходил на ужин (так как сэндвич для миссис Берлингтон оплачивался юридическим бюро, Милли быстро сговорила с работником кафе «Камбар», чтобы в стоимость сэндвича с пастроной включалась и цена ее весеннего салатика), кое-какую одежду, пополнение коллекции дисков, кино по субботам и, главное, на уход за ненаглядным «олдсмобилем».

Работника кафе «Камбар» звали Джо Малоне. Наградил же Бог имечком! Полное его имя было Джонатан, но на безупречный музыкальный слух Милли «Джонатан Малоне» звучало хуже. Джо, получивший благодаря ей имя, достойное персонажа гангстерского фильма, был стройным молодым человеком, наделенным поэтическим талантом. Разве не удавался ему день за днем ловкий фокус — в любое время года сооружать для Милли восхитительный весенний салат?

Джонатан Малоне был по уши влюблен в некую Бетти Корнелл, но та никогда в жизни не посмотрела бы на работника кафетерия, пусть тот и проглатывал, не жуя, все написанное Корсо, Ферлингетти, Гинсбергом, Берроузом и Керуаком. Джо знал их книги чуть ли не наизусть — и все зря! Он очень старался вкладывать поэзию в свои сэндвичи и салаты по пять пятьдесят и не оставлял надежды когда-нибудь продолжить образование, чтобы потом открывать чудесный мир слов девушкам, копирующим Бритни Спирс, Перис Хилтон и живые манекены, страдающие анорек-

сией. Милли часто ему повторяла, что у него душа евангелиста, для которого стала религией литература.

После заправочной станции Милли выезжала на автостраду № 76 и мчалась с максимально разрешенной скоростью до следующего съезда, откуда возвращалась к себе.

Жила Милли в деревянном домике на Фламинго-роуд, сразу за местной водокачкой. Непритязательный квартал, но не без некоторого шарма. На Фламинго-роуд заканчивался город и начинался лес.

Вечера Милли посвящала чтению. Исключениями служили пятницы, когда к ней приходил ужинать Джо. Они смотрели вдвоем очередную серию своего любимого телесериала: в нем женщина-адвокат, жена будущего сенатора, страдала оттого, что в прессу просачивалась правда о связи ее мужа с девушкой по вызову.

Потом Джо громко декламировал стихи, которые сочинил за неделю. Милли внимательно слушала, потом требовала повторить, теперь под музыку, которую подбирала к стихотворениям Джо.

Музыка прочными узами соединила их с первой же встречи. Музыка их и познакомила.

Джо подрабатывал, играя на церковном органе. Его музыкальное призвание оплачивалось по твердой ставке — тридцать пять долларов за приглашение. Он обожал похороны.

Разве сравнить их с венчанием! Венчание страшно затягивается, гости долго усаживаются, невеста опаздывает, конца службы не дождешься, знай себе играй, пока новобрачные и все приглашенные не спустятся с паперти. Достоинство похорон — в безупречной пунктуальности усопших. К тому же кюре, испытывавший священный ужас перед гробами, перепрыгивал через целые разделы своего требника и завершал службу строго через тридцать пять минут после начала — хоть часы по нему проверяй.

Доллар в минуту — золото, а не работа! Джо, не единственный музыкант, которого кюре приглашал играть во время церковных служб, не забывал просматривать рубрику «Некрологи» в местной воскресной газете, чтобы первым попасть в график следующей недели.

Как-то раз на отпевании в среду, заиграв фугу Баха, Джо обратил внимание на вошедшую в церковь молодую женщину. Церемония близилась к концу, прихожане уже поднимались с мест, чтобы проститься с миссис Гингельбар, бакалейщицей, погибшей по нелепой случайности под высоченной пирамидой ящиков с арбузами, придавившей ее. Бедная миссис Гингельбар умерла не сразу, ее агония продолжалась всю ночь, и в конце концов она задохнулась под кучей бахчевых — виновников ее смерти.

Появление Милли, в джинсах и в футболке с глубоким вырезом, с распущенными волосами, привлекло внимание Джонатана: уж слишком она от-

личалась от всех собравшихся. Органисту везет: с его рабочего места можно разглядеть все, что происходит в церкви.

Джо частенько веселил заскучавшую Милли, рассказывая о забавных ситуациях, свидетелем которых становился постоянно. Чьи-то шаловливые руки задирали юбку на соседке, какая-то дама нежно поглаживала причинное место соседа, болтуны громко перешептывались, напрочь позабыв, где находятся, кто-то, задремав во время службы, неприлично клевал носом. Мужчины выворачивали шеи, разглядывая красивую женщину, а на ту, которая старалась привлечь всеобщее внимание, вовсе не смотрели. Когда кюре, известный своей шепелявостью, в очередной раз произносил нечто невразумительное в самый патетический момент службы, публика громко смеялась. Мобильный телефон под Библией или посторонняя книга под требником — ничто не укрывалось от взора органиста.

В ту среду, лишь только закрылись церковные двери, Джо спешно покинул орган и бросился вниз по винтовой лестнице, ведущей к исповедальне. Траурный кортеж миссис Гингельбар уже двинулся к кладбищу, соседствовавшему с ризницей, а молодая женщина так и осталась сидеть на скамье.

Он подсел к ней и, не вытерпев, нарушил молчание: спросил, не родственница ли она усопшей. Милли призналась, что не была даже с ней знакома, и не успел Джо поинтересоваться причиной

ее появления на отпевании, стала хвалить его аппликатуру и то, как он чувствовал и интерпретировал музыку Баха. Тот миг положил конец двум одиночествам. Джо никогда прежде не слышал, чтобы кто-то так хвалил его игру. Милли с самого своего приезда в Филадельфию даже не думала о том, что у нее может появиться друг.

Джо схватил ее за руку и потащил к винтовой лестнице. Вид на неф с галереи привел ее в восхищение. Джо усадил ее спиной к трубам органа, взметнувшимся ввысь, сел за клавиши и вдохновенно исполнил токкату ре минор.

Милли показалось, что музыка пронзает ее насквозь, проникает в самое сердце, бьется в ее жилах. Божественное ощущение — когда твои кровеносные сосуды превращаются в нотный стан! Увы, этот частный концерт был прерван появлением кюре: удивленный тем, что церковь не встречает его тишиной, он тоже поднялся по лестнице. Обнаружив Милли, сидящую с открытым ртом и объятую восторгом, он сделался подобен экзорцисту, узревшему дьявола. Джо перестал играть и в ответ на вопрос кюре, что это за женщина, забормотал что-то невнятное.

Милли протянула кюре руку, поздоровалась и без малейшего смущения сообщила, что она сестра музыканта. Кюре нахмурился, положил на лавку причитавшиеся Джо тридцать пять долларов и попросил обоих покинуть церковь.

Выйдя на паперть, Джо, тогда еще звавшийся Джонатаном, пригласил Милли вместе пообедать.

Прошло десять лет, но в годовщину знакомства они иногда приносили букет тюльпанов на могилу миссис Гингельбар.

Однажды случилось неприятное событие, еще больше сблизившее Милли и Джо. Оно было связано с ее работой.

Кто-то взломал сервер университетского кампуса. Ректор университета заподозрил неладное, заметив, что студентов не очень-то беспокоит приближающаяся годовая сессия. Еще более странным ему показалось поведение преподавателей, не желавших ставить оценки ниже восьмидесяти. Быстро выяснилось, что кто-то получил доступ к экзаменационным темам.

До этого юридическое бюро университета занималось нехитрыми вопросами: проверкой страховых полисов, выдачей всевозможных справок и удостоверений, составлением различных административных документов (ректор обожал издавать распоряжения о поведении студентов в кампусе, в особенности что-то запрещать). Поэтому, когда ректор ворвался в помещение юридического бюро и объявил, что университет впервые в своей истории вынужден подать иск, да еще уголовного свойства, артериальное давление миссис Берлингтон достигло небывалой высоты, значительно превзойдя средние значения студенческих экзаменационных оценок.

Впрочем, работа над иском заняла у миссис Берлингтон всего полдня, столько же времени ушло у Милли на его оформление. Обе, особенно миссис Берлингтон, предпочли бы, чтобы этот труд потребовал гораздо больших усилий и соответствовал вопиющему характеру упомянутых в иске фактов. Поэтому они, не обсуждая ситуацию напрямую, согласились повременить несколько дней, прежде чем докладывать, что задание выполнено и что юридическая служба готова к отчаянной битве с бессовестными пиратами, посягнувшими на систему.

На протяжении всей этой необычной недели при каждой встрече с ректором в коридоре Милли напускала на себя вид крайней озабоченности, приличествующий сотруднице, которая осознает драматизм создавшейся ситуации. В результате он при виде ее был вынужден изображать подобие улыбки. Какая ни есть, а все-таки улыбка, аллилуйя!

И поскольку миссис Берлингтон, сохраняя это в тайне, уже вернулась к текущим делам, Милли, борясь с нарастающей скукой, решила провести собственное расследование.

Джо Малоне был поэтом и, если б стал преподавателем, любой студент о таком бы мог только мечтать. Но кроме этого, он был превосходным исполнителем, и ему не важно было, на каких клавишах играть — органа, фортепьяно, клавесина или компьютера. Из всего немногочисленного окружения Милли, в которое входили только

Литературно-художественное издание

Марк Леви

Другое счастье

Выпускающий редактор П. Шиков

Редактор Е. Тарусина

Технический редактор Л. Синицына

Корректор Е. Туманова

Компьютерная верстка Т. Коровенковой

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная,
д. 12, лит. А

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Подписано в печать 07.05.2022.
Формат 70×100 1/32. Бумага газетная.
Гарнитура «NewBaskerville». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14,8. Доп. тираж 3000 экз.
B-LEV-18392-06-R. Заказ № .